

Е.А. Красильникова

Российский государственный гуманитарный университет

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ В. КАМИНЕРА «RUSSENDISKO»

Статья посвящена изучению проблем межкультурного взаимодействия в сборнике рассказов В. Каминера «Russendisko». Рассматриваются вопросы, связанные с проблемами адаптации мигрантов в новой культуре, формирование их гибридной идентичности, вопросы билингвизма и толерантности.

Литература мигрантов, межкультурная коммуникация, адаптация при вхождении в чужую культуру, гибридная идентичность, стереотипы, билингвизм, толерантность.

Изучение миграционной литературы в последние годы стало одним из ведущих направлений исследований. Интерес к подобной литературе обусловлен тем, что появляется все больше авторов с миграционным опытом, которые описывают свой личный опыт и опыт своих друзей и своих семей, а также авторов, которые наблюдают за миграционными процессами со стороны, описывая судьбы беженцев, переселенцев, репатриантов и других категорий мигрантов. В исследовательской литературе существует несколько терминов, используемых как для обозначения литературы писателей-мигрантов, так и самих авторов. Широко используется термин гибридная литература, а также в научный дискурс вводится понятие «кросс-культурная или мультикультурная литература «писателей-мультикультуралистов»» [1, с. 178]. С.П. Толкачев пишет о развитии теории «мультикультурной литературы постколониального пространства» [2], немецкоязычная исследовательница Сандра Власта заявляет о транснационализации литературной сферы (transnationalisation of literary fields) [3].

В работах некоторых исследователей по отношению к писателям-мигрантам используется термин авторы-экзофоны (exophone AutorInnen), под которым подразумеваются «авторы, пишущие на неродном или не только на родном для себя языке» (exophone AutorInnen, das heißt SchriftstellerInnen, die nicht bzw. nicht ausschließlich in ihrer Erstsprache schreiben) [4, с. 10]. Соответственно, также применяется термин «exophones Schreiben» (письмо на неродном языке) (Там же, с. 11).

В немецкоязычном пространстве также широко используется термин «литература мигрантов и авторов с миграционным прошлым» (die Literatur von MigrantInnen und AutorInnen mit Migrationshintergrund) [5, с. 4], а также целый спектр других наименований: «Ausländerliteratur», «Gast-», «Immigranten-», «Emigrations-», «Migranten-» oder «Migrationsliteratur», «Minderheitenliteratur», «interkulturelle», «multikulturelle», «deutsche Gastliteratur», «Literatur ohne festen Wohnsitz», «Literatur der Fremde», «deutsche Literatur von außen», «Literatur mit dem Motiv der Migration» oder «nicht nur deutsche» [там же, с. 4].

В рамках исследований миграционной литературы в центре внимания находятся различные аспекты миграционных процессов, вопросы мультикультурализма, билингвизма, многоязычия и идентичности. Эти аспекты являются типичными для иммигрантской литературы. Как отмечает исследователь исландской литературы в Америке А.В. Коровин, «первостепенной задачей для иммигрантов становилась борьба за место в новом обществе, что зачастую подразумевало слияние с местным населением, ассимиляцию, неизбежно приводящую к потере родного языка, привычек, культуры; и этот путь был единственно возможным для большинства переселенцев в Новом свете» [6, с. 194].

В сборнике рассказов В. Каминера «Russendisko» в фокусе внимания автора оказываются близкие темы, связанные с адаптацией мигрантов в новой культуре, а также предлагается богатый материал, иллюстрирующий различные коммуникативные ситуации и аспекты межкультурной коммуникации.

Владимир Каминер – немецкий писатель-эмигрант российского происхождения. В своих романах он пишет о жизни эмигрантов в Германии, среди которых оказываются представители целого спектра национальностей, религий, культур и субкультур. Коммуникация между этими индивидами и социально-культурными группами представляет большой исследовательский интерес, поскольку, проживая в новой для себя стране и общаясь на неродном для себя немецком языке, они репрезентируют различный культурно-исторический бэкграунд.

Изучением творчества В. Каминера занимались многие исследователи, как например: Б. Хоге, Е. Хаусбахер, А. Ваннер, А.В. Белобратов, Д.А. Чугунов, А.А. Анохина и др. Как отмечает в своей диссертации А.А. Анохина, «выбранный писателем жанр коротких рассказов обуславливает многоплановость создаваемых образов и позволяет читателю лучше познакомиться со многими сторонами жизни человека в миграции: работа, бытовая сфера, общение с органами правопорядка, друзья, соседи-мигранты, любовь, семья. Имя Владимира Каминера неразрывно связано

с темой миграции в ФРГ, адаптации мигрантов в немецкоязычном пространстве. Писатель не стремится «адаптироваться» в чужой стране, а наоборот, подчеркивает свое мигрантское прошлое, разговаривая с ярко выраженным русским акцентом и часто затрагивая тему России в теле- и радиовыступлениях» [7, с. 93].

В данной статье мы обратимся к творчеству В. Каминера с точки зрения анализа проблем толерантности, бытования национальных, социальных и гендерных стереотипов, проблем адаптации и переживания культурного шока при вхождении в новую культуру, вопросов билингвизма, использования культурно-исторических реалий и др.

Сюжетной основой романа является взаимодействие в разнообразных ситуациях большого количества людей различного происхождения и национальностей, а также различающихся по возрасту, внешности и другим параметрам. Таким образом, одной из центральных тем сборника является описание интернационального сообщества и проблемы толерантности.

Самого себя рассказчик описывает как бежавшего из СССР представителя национального меньшинства еврейской национальности:

Nachdem mein Freund Mischa und ich im Sommer 1990 als eine aus der Sowjetunion geflüchtete Volksminderheit jüdischer Nationalität anerkannt worden waren, landeten wir auf Umwegen in dem riesigen Ausländerheim, das in Marzahn entstand [8, S. 27].

Упомянутое общежитие для иностранцев находится в Марцане, который представляет собой один из районов Берлина. В этом месте массово селятся иностранцы: сотни вьетнамцев, африканцев и евреев из России:

Hier wurden zunächst Hunderte von Vietnamesen, Afrikaner und Juden aus Russland einquartiert (Там же, S. 27–28).

В. Каминер описывает и заселение другого района Берлина, Prenzlauer Berg, откуда массово стали уезжать на запад местные жители, а в их квартиры стали заселяться те, кто по каким-то причинам приезжал с запада. Среди них были панки, иностранцы, приверженцы церкви Kirche der Heiligen Mutter, странные личности и деятели искусства:

Der Prenzlauer Berg galt damals als Geheimtipp für alle Wohnungssuchenden, dort war der Zauber der Wende noch nicht vorbei. Die Einheimischen hatten in Scharen nach Westen ab, ihre Wohnungen waren frei, aber noch mit allen möglichen Sachen voll gestellt. Gleichzeitig kam eine wahre Gegenwelle aus dem Westen in die Gegend: Punks, Ausländer und Anhänger der Kirche der Heiligen Mutter, schräge Typen und Lebenskünstler aller Art (Там же, S. 28).

В рассказе *Der Russenmafia-puff* также описывается состав группы на курсах, которые посещал Владимир, друг рассказчика. В группе обучались пожилые дамы из Болгарии, три вьетнамца и толстая девушка с Карибских островов:

Die Gruppe bestand aus zwei älteren bulgarischen Damen, drei Vietnamesen und einem dicken Mädchen aus Karibik (Там же, S. 104).

Таким образом, в романе герои постоянно взаимодействуют как с местным населением, так и с множеством иностранцев, среди которых и их же сооте-

чественники. Все они в свою очередь могут быть поделены на группы по множеству других признаков. В отсутствие толерантности подобные ситуации чреваты возникновением непонимания, противоречий и нетерпимости. Поэтому залогом успешной коммуникации является толерантное отношение участников коммуникации друг к другу.

Zusammen mit zwei Dutzend anderen osteuropäischen Künstlern, Polen, Russen, Tschechen und Ukrainern. Unterwegs stellte sich bereits heraus, wie unterschiedlich unser Wandel war. Dementsprechend bildete unsere Gruppe eine ziemlich giftige Mischung. Nur der warme ukrainische Wodka sorgte sich für ein Minimum Toleranz [8, S. 106].

Здесь группа, состоящая из представителей различных национальностей, описывается как «ядовитая смесь», и обеспечить толерантность может, соответственно стереотипам, «лишь теплая украинская водка».

Следует сказать, что в сборнике рассказов упоминаются более десятка национальностей, среди которых русские, немцы, евреи, украинцы, поляки, чехи, французы, болгары, арабы, турки, африканцы, вьетнамцы, цыгане, литовцы и др. Все они взаимодействуют друг с другом, участвуя в разных коммуникативных ситуациях со своим национально-культурным менталитетом и стереотипами.

Следующий аспект, на котором хотелось бы остановиться, это стереотипы и культурно-исторические реалии. У представителей любой нации имеются определенные стереотипы о своих соседях, что особенно свойственно мультикультурным сообществам, где люди проживают в тесном контакте. Подобное интенсивное взаимодействие строится на противоречивой основе из ожиданий, представлений о «нормальном» для тех или иных групп, опасений, предрассудков и страхов.

В произведениях В. Каминера представлено довольно много стереотипов о русских. Так, например, в главе *Die Birkenfrau* («Березовая женщина») речь идет о русском ансамбле *Die Birke* («Березка»), что объяснимо типичным стереотипом о любви русских к этому национальному символу:

Eine solche Frauenbrigade war damals gerade in Berlin zu Gast. <...> Das Ensemble nannte sich *Die Birke*, weil sie in ihren Liedern Birken und andere einzigartige Nationalhölzer priesen (Там же, S. 124).

Это пример автостереотипа, так как русский ансамбль представляет себя таким образом иностранцам и демонстрирует свою национально-культурную идею.

В рассказе *Mein erster Franzose* рассказчик описывает своего французского приятеля, который, по его мнению, вполне соответствует клишированному представлению о французах: легкомысленный, поверхностный, открытый миру, заикливший на женщинах и поющий Интернационал:

Der erste Franzose, den ich in Berlin kennen lernte, hieß Fabrice Godar. <...> Er entsprach völlig der klischeehaften Vorstellung, die ich von Franzosen hatte: Er war leichtsinnig, oberflächlich, weltoffen und frauenfixiert. Wir sangen zusammen die Internationale... (Там же, S. 43–44).

В качестве стереотипов зачастую используются блюда и напитки национальной кухни. Ожидаемый стереотип о русских – национальный напиток *водка*, который приводится в тексте наряду со стереотипным напитком немцев – *пивом*:

Unterwegs kauften wir noch die Nationalgetränke beider Länder – drei Flaschen Wodka und eine Kiste Bier [8, S. 125].

Еще один стереотип о русских, связанный с еще одним национальным напитком, – их привычка всегда пить чай. В рассказе *Alltag eines Kunstwerks* рассказчик и его русский друг скульптор Сергей (der russische Bildhauer Sergei), говоря и размышляя об искусстве, пьют чай:

Wir tranken zusammen Tee und unterhielten uns über Kunst (Там же, S. 46).

So trafen wir uns, denn diese Nachricht erforderte eindeutig eine Diskussion. Wir unterhielten uns über Kunst, tranken Tee und wechselten dann zu Wodka (Там же, S. 47).

Стереотипное представление о евреях также включает штампы, связанные с едой и национальными традициями, в соответствии с которыми евреи едят мацу, не едят свинину и соблюдают субботу, а не ходят на пробежки.

Viele beschwerten sich beim Aufsichtspersonal, dass ihre Nachbarn falsche Juden seien, dass sie Schweine äßen und am Samstag rund um die Wohnblöcke joggen, was man als echter Jude nie tun dürfte (Там же, S. 28).

Для повествования В. Каминера характерно несколько особенностей: с одной стороны, это зачастую отсутствие политкорректности. Например, пожилые люди, люди с инвалидностью и иностранцы ставятся в один ряд как низшие слои населения, у которых крайне мало шансов на рынке труда:

Der erste Franzose, den ich in Berlin kennen lernte, hieß Fabrice Godar. Wir beide und ein arabisches Mädchen wurden von einem ABM-Theaterprojekt angestellt, er als Kameramann, ich als Tontechniker und das Mädchen als Kostümschneiderin. Diese Arbeitsbeschaffungsmaßnahmen waren speziell für die unteren Schichten des Volkes, *die sonst kaum Chancen auf dem Arbeitsmarkt gehabt hätten: ältere Menschen, Behinderte und Ausländer* (Там же, S. 43).

Такие выводы, вероятно, можно объяснить как настроениями в социуме, так и менталитетом главного героя-повествователя, выходцем из советского общества, где политкорректность существовала еще только в зачаточном состоянии и была неактуальна.

Отдельно следует остановиться на таком аспекте стереотипов, как их оценочность. Анализ рассказов В. Каминера позволяет сделать вывод о том, что штампы и стереотипы могут быть нейтральными, положительными или отрицательными. Важным моментом является то, что актуализация того или иного стереотипа определяется политической и идеологической установкой субъекта – носителя стереотипа. Например, идеологически негативная установка официального советского телевидения к американскому капиталистическому обществу актуализирует социальный штамп о голодных американских бездомных, спящих в коробках за мостом:

Dort, hinter dieser Brücke schlafen die hungrigen Arbeitslosen in alten Pappkisten [8, S. 19].

Носителями стереотипов являются в той или иной мере все члены общества, однако степень осознанности определяет то, насколько сильно стереотипы или предрассудки будут на коммуникацию влиять, упрощать или усложнять.

Таким образом, стереотипы представляют собой яркие зрительные образы и создают своеобразную иконографику, которая визуализирует представления одного сообщества о другом.

Интересный аспект представляет собой определение и поиск идентичности. Так, в романе ставится вопрос об идентичности русских евреев пятой волны эмиграции в начале 90-х годов. По внешности идентифицировать национальную принадлежность почти невозможно, вероисповедание также не является уже релевантным признаком, основой для идентичности становится происхождение и наличие записи в паспорте:

Die russischen Juden der fünften Welle zu Beginn der Neunzigerjahre konnte man weder durch ihren Glauben noch durch ihr Aussehen von der restlichen Bevölkerung unterscheiden. Sie konnten Christen oder Moslems oder sogar Atheisten sein, blond, rot oder schwarz, mit Stups- oder Hakennase. Ihr einziges Merkmal bestand darin, dass sie laut ihres Passes Juden hießen. Es reichte, wenn einer in der Familie Jude oder Halb- oder Vierteljude war und es in Marienfelde nachweisen konnte [8, S. 13].

Однако отметки в паспорте не всегда было достаточно, и вновь приехавшие подвергались экзамену в синагоге, целью которого было установить то, насколько новые евреи действительно были евреями:

In Köln, zum Beispiel, wurde der Rabbiner der Synagoge beauftragt, durch eine Prüfung festzustellen, wie jüdisch diese neue Juden wirklich waren (Там же, S. 14).

Экзаменуемые должны были ответить на вопросы раввина, с чем справлялись далеко не все. Поэтому, чтобы избежать сложной процедуры проверки знаний, некоторые мужчины решались совершить собственноручное обрезание, что, по их мнению, являлось неоспоримым признаком, устанавливающим идентичность:

Manchmal beschnitten sich irgendwelche Männer sogar eigenhändig, einzig und allein, um solche Fragen zu vermeiden (Там же, S. 14).

У иностранцев в Германии формируется двойственная или, иначе говоря, *гибридная* идентичность: с одной стороны, они сохраняют свою и остаются русскими, евреями, эфиопами, турками. С другой, формируется второй слой идентичности: иностранец (в отличие от местных жителей), что формирует разные типы взаимоотношений между ними, от враждебности до единства и солидарности. В какой-то момент между арабами, евреями, китайцами и турками возникает чувство единства и солидарности, так как они все принадлежат друг другу, они иностранцы:

Die Ausländerfeindlichkeit war vorübergehend ein großes Thema, und plötzlich entsteht ein Gefühl der Zusammengehörigkeit bei vielen, die nicht zusammengehören und früher vielleicht gar nichts voneinander wissen wollten – Araber, Juden, Chinesen, Türken –, weil sie genau diese „Ausländer“ sind (Там же, S. 74).

Одним из признаков, определяющих идентичность, является язык. Подавляющее большинство эмигрантов в определенной мере овладевают языком принимающей страны и становятся билингвами. При этом многие говорят с акцентом, что определяет их идентичность как иностранцев. Так, рассказчик отмечает наличие у себя русского акцента:

Mit meinem russischen Akzent wurde ich sofort eingestellt [8, S. 43].

Акцент определяет и подкрепляет стереотипы. Так, например, когда в театре нужны были актеры на роль варваров, были выбраны русские с акцентом, так как всем понятно, что варвары – это те, кто прибыли издалека и говорят по-немецки с русским акцентом.

An der Berliner Volksbühne sind an der „Titus-Andronkus“-Inszenierung zwei russische Schauspieler beteiligt. <...> Die Haupttäter, die Barbaren, werden von Russen gespielt. Denn offenbar ist jedem klar, dass Barbaren diejenigen sind, die von weiter kommen und Deutsch mit russischem Akzent sprechen (Там же, S. 146–147).

Интересно отметить, что некоторые эмигранты не только овладевали языком принимающей страны, но и неплохо владели языком своих соседей. Так, описываются африканцы, которые по вечерам пели русские песни и хорошо знали язык, поскольку учились в Москве:

Die Afrikaner ..., abends sangen sie russische Volkslieder. Sie hatten erstaunlich gute Sprachkenntnisse, viele hatten in Moskau studiert (Там же, S. 27).

Таким образом, в рассказах В. Каминера затрагиваются довольно острые темы, связанные со сложностями адаптации мигрантов в новой для себя лингвокультуре. При этом автор зачастую рисует карикатурные образы, в которых чрезмерно акцентируются те или иные аспекты. Наличие их правомерно, поскольку они действительно имеют место быть как характерные, хотя и несколько преувеличенные, особенности поведения или бытового уклада. Разумеется, в реальности эти отдельные элементы не так заметны на фоне массы других, но у В. Каминера они становятся крупными штрихами, определяющими их презентацию и восприятие.

1. Толкачев, С. П. Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе С. П. Толкачев / Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. – 2013. – № 2. – С. 177–182. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-gibridnoy-identichnosti-v-sovremennoy-multikulturnoy-literature/viewer> (дата обращения: 12.03.2021). – Текст : электронный.

2. Толкачев, С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература / С. П. Толкачев. – Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение. – 2003. – № 1. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/ (дата обращения: 12.03.2021).

3. Vlasta, S. Literature, Migration and the Transnationalisation of Literary Fields – Austria and Great Britain / S. Vlasta. – Text : electronic // 900 Transnationale 2, 1 (Marzo 2018). – P. 1–12. – URL: https://www.academia.edu/40851104/Literature_Migration_and_the_Transnationalisation_of_Literary_Fields_Austria_and_Great_Britain (дата обращения: 12.03.2021).

4. Brüchige Texte, brüchige Identitäten. Avantgardistisches und exophones Schreiben von der klassischen Moderne bis zur Gegenwart / N. Bachleitner, I. Hein, K. Kókai, S. Vlasta (Hg.). – Göttingen, 2018. – URL: https://www.academia.edu/35467063/Br%C3%BChige_Texte_br%C3%BChige_Identit%C3%A4ten_Hg_Norbert_Bachleitner_Ina_Hein_K%C3%A1rly_K%C3%B3kai_Sandra_Vlasta_G%C3%B6ttingen_Vienna_University_Press_Vandenhoeck_and_Ruprecht_2018 (дата обращения: 12.03.2021). – Text : electronic.

5. Sibel, K. Migrationsliteratur: Eine neue deutsche Literatur? / K. Sibel. – Berlin : Heinrich-Böll Stiftung, 2009.

6. Коровин, А. В. Исландская литература в Америке (к вопросу о национальных границах в литературе) / А. В. Коровин // Studia Litterarum. – 2016. – Т. 1, № 1–2. – С. 192–210. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islandskaya-literatura-v-amerike-k-voprosu-o-natsionalnyh-granitsah-v-literature/viewer> (дата обращения: 12.03.2021). – Текст : электронный.

7. Анохина, А. А. Поиск идентичности в немецкой прозе мигрантов из бывшего СССР (рубеж XX–XXI веков) : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская)» : диссертация на соискание ученой степени кандидат филологических наук. – Калининград 2019. – URL: https://kantiana-old.kantiana.ru/upload/iblock/a4f/Anokhina_dissertatsiya.pdf (дата обращения: 12.03.2021). – Текст : электронный.

8. Kaminer, W. Russendisko / W. Kaminer. – München : Goldmann, 2000.

Е.А. Krasilnikova

PROBLEMS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN V. KAMINER'S NOVEL "RUSSENDISKO"

The article is devoted to the problems of cross-cultural communication in the book of short stories by Vladimir Kaminer «Russendisko». The article analyzes the questions connected with the issues of migrants' adaptation in a new culture, their hybrid identity, bilingualism, tolerance.

Literature of migrants, intercultural communication, adaptation when entering a foreign culture, hybrid identity, stereotypes, bilingualism, tolerance.